

гантностью, в ней вдоль окон (она занимала угловое пространство) в виде растянувшейся буквы Г стоял длинный стол с огромным множеством кистей, карандашей, мастихинов, шпателей и других инструментов художнического труда, причем все это было выстроено в каком-то абсолютном, гармоническом порядке. Никакого "художественного" беспорядка. На светло-серых стенах мастерской висели всего лишь две работы. Одна, и хозяин об этом сказал с понятной гордостью, китайская живопись на шелке — Танского периода — портрет какого-то мандарина в преобладающей коричневой гамме (у каждой китайской династии был свой геральдический цвет), а вторая работа — автопортрет еще одесского периода, графический, теперь включенный в книги о художнике, автопортрет, где, на мой взгляд, юный 18-летний Альтман похож на юного Пастернака!

После словесного знакомства хозяин мастерской, очевидно, решил, что можно нам показать работы последних лет. Они появлялись перед нами из какого-то незаметно встроенного в стены запасника. Я не пишу очерк о творчестве замечательного художника, поэтому не считаю нужным вдаваться в искусствоведческие описания, но к тому времени уже созданные работы на тему "Заколдованного портного" Шолом-Алейхема были представлены нашему благодарному взгляду. Кстати, художник продолжал работать над этой темой несколько лет, и один из поздних вариантов "Заколдованного портного", уже у вдовы художника, которую называли самой красивой дамой Ленинграда, "уведенной" Натаном Исаевичем у знаменитого пушкиниста П. Щеголева еще не то в 20-е, не то в 30-е годы, так вот, один из вариантов был приобретен светлой памяти Иваном Михайловичем Федорковым, судьба которого и его коллекции завершилась так трагически...

Пришло время прощаться, с царственной щедростью Натан Исаевич приглашал бывать у него в мастерской, я даже обещала привезти ему рассказы Бабеля, но... Проявив настойчивость в начале пути к Мастеру, я после сочла невозможным преодоление дистанции, разделявшей великого мастера и обыкновенную студентку. Словом, цитируя Беллу Ахмадулину, могу сказать: "навек неосторожно я не пришла ни завтра, ни потом"...

P.S. Когда я прочла письмо Качаевых Жене, и сказала, что не могу вспомнить ничего про каблучок, он ответил: "Конечно, не можешь, потому что у тебя, как ты рассказывала, оборвалась ручка сумки". И все восстановилось: я вспомнила сумку, ее цвет, ее форму и фактуру, как долго я не решалась выбросить эту розовую сумку, потому что мне уже не с чем было ее носить. Но к колечку, соединявшему ручку с сумкой, когда-то прикоснулись уверенные и артистичные руки Натана Исаевича Альтмана!

Игорь Иртеньев, поэт и гражданин

Заметки пристрастного читателя

...Тем более что жизнь короткая такая.
Булат Окуджава

1

Впервые я увидел и услышал Иртеньева в самом начале девяностых — в программе "Взгляд", по-моему, у Влада Листьева. Его представили как поэта — автора "Московского комсомольца". Он прочел одно или два небольших стихотворения; о чем, не помню, помню только, что очень смешных. Вскоре я встретил его в Одессе на "Юморине", тут же, собравшись с духом, подошел и познакомился, получив за смелость в подарок книгу "Вертикальный срез". А вечером уже слушал поэта на сцене — и про дебила, и про глаз, и про "До чего же довели...", и хохотал, стоя за кулисами. Словом, был пленен.

С тех пор мы с ним в дружеских отношениях, чем я весьма горжусь, видимся в Москве и в Одессе (увы, не так часто, как хотелось бы), разговариваем, иногда выступаем вместе. Он постоянный автор одесского журнала "Фонтан", который я редактирую. Словом, контакт у нас постоянный и, надеюсь, взаимно радостный.

Все эти годы я много раз ловил себя на желании написать об Игоре. О его стихах и о нем самом. О том, что в отличие от многих, считаю его не просто сатириком, а истинным поэтом. Но все не получалось. Да и уверенности не было, что смогу. Я же не критик, не литературовед. А потом подумал: ну и что? Я читатель, вот и напишу как читатель. О том, как я ценю его поэзию и симпатизирую ему лично.

Тем более что у меня есть в этом смысле весьма авторитетный союзник. И не кто-нибудь, а сам Александр Сергеевич Пушкин. "...Кто в критике руководствуется чем бы то ни было, кроме чистой любви к искусству, тот уже нисходит в толпу, рабски управляемую низкими, корыстными побуждениями. Где нет любви к искусству, там нет и критики. Хотите быть знатоком в художествах? — говорит Винкельман. — Старайтесь полюбить художника, ищите красот в его созданиях" ("О критике", 1830 г.).

Словом, писать нужно о том, что нравится. Потому что писать о том, что

не нравится, по-моему, скучно. И вообще, пусть об этом пишут другие. Те, кому это, в отличие от вас, по душе. Ну а читатель разберется сам.

Возвращаясь же к Иртеньеву, не без зависти скажу, что открывает его том в Антологии сатиры и юмора России XX века (М., Эксмо-пресс, 2000; дальше везде ссылки на это издание — самое полное на сегодня) блестящее, на мой взгляд, предисловие Вадима Жука, написанное в столь любимом Игорем ироническом стиле. Я, увы, так не умею. А если у меня иногда и проскальзывает что-то похожее на иронию (все же тридцать лет занятий таким сомнительным делом как юмор дают о себе знать), то когда речь заходит о чем-то для меня важном и по-настоящему дорогом, она — эта самая ирония — мне тут же изменяет.

И, приступая к этим заметкам, я желал бы только одного — иметь в конце хоть какое-то право повторить вслед за автором предисловия: "Кажется, я ни одной крупной пошлости не сказал..."

2

Для начала несколько тривиальных мыслей. Правда, своих. Давних, выношенных. Что такое настоящая поэзия? Для меня это стихи, которые вызывают восторг души. Конечно же, подобное ощущение связано не только с чтением стихов. Такое, скажем, бывает, когда я слушаю музыку. Вот, кстати, совсем недавно смотрел я мхатовский "Амадеус". Помню, что по ходу спектакля не раз отмечал блестящую игру Табакова и Безрукова. Но отмечал, так сказать, умом, а не сердцем. Зато когда начинал звучать Моцарт, сердце сжималось и слезы подступали к глазам. Вот это переживание я как раз и имею в виду.

К слову, я испытывал такое и от собственно театра. Скажем, когда много лет назад смотрел "Вагончик" Павловой в постановке Камы Гинкаса и "Уроки музыки" Петрушевской, поставленные Романом Виктюком. Из подобных незабываемых впечатлений — и вечер Окуджавы в одесском Доме актера в 1964 году, когда я услышал Булата Шалвовича впервые. Мне вообще кажется, что с моей душой тогда что-то произошло. Навсегда у меня в памяти и чтение Зиновием Ефимовичем Гердтом Лермонтова и Пастернака, концерты Жванецкого, Карцева и Ильченко в 70-80-х годах, фильм Феллини "Амаркорд", игра Маргариты Тереховой в "Собаке на сене" Фрида и Евгения Леонова в "Старшем сыне" Мельникова. Так же сильно воздействовали на меня многие вещи Зощенко и Лескова, первое чтение "Мастера и Маргариты" Булгакова и "Стихов из романа" Бориса

Пастернака, а в последние годы — чтение и перечитывание Довлатова. Словом, когда я говорю о восторге души, я имею в виду вполне определенное, не раз испытанное мной чувство. Чувство гармонии. То есть своего рода совершенства.

(Нет-нет, я знаю, конечно, что все это давным-давно известно. Просто я делюсь своим личным опытом, а он, уверен, в подобных случаях просто незаменим).

Но перейдем к Иртеньеву.

Мне нравятся многие стихи из его антологического тома. Попробую их перечислить. Итак: "Похвала движению", "Страшная картина", "Конечно, это горько, но...", "Случай на воде", "Любовь. На вид простое слово...", "Часовой", "Что зачем", "О чем мечтаешь ты, товарищ...", "Желаю восславить любовь я", "Клеветнику", "Отец и сын", "Прощание"... Нет, пожалуй, все-таки прервусь — иначе придется повторить большую часть содержания книги...

Конечно же, подъем души, который я испытываю, читая эти стихи сам или вслух (некоторые и наизусть) друзьям, не совсем тот, что вызывает у меня, скажем, музыка Моцарта. Но что-то близкое, клянусь, есть. Это то самое эстетическое наслаждение гармонией и изяществом, душевная потребность в котором все же, к счастью, не умирает. Даже несмотря на абсурд и хаос последних десятилетий нашей жизни...

А теперь попробую объяснить, ну хотя бы для себя, — что же такое есть в стихах Иртеньева, что вызывает во мне подобные чувства? (Вполне допускаю, кстати, что многие читатели со мной не согласятся).

Безусловно, юмор и ирония высшей пробы, но не только, но не только...

В автобиографии, написанной специально для данного тома, Иртеньев, в частности, рассказывает: "Дома у нас имелась очень приличная поэтическая библиотека... К пятнадцати годам я все это хозяйство перечитал по несколько раз, но странным образом избежал юношеской болезни стихописания, во всяком случае, ее наиболее тяжелой для окружающих лирической разновидности".

Темы "Иртеньев и лирика" я коснусь ниже, пока же отмечу вытекающую из этих слов немалую начитанность автора. Это ощущается в его стихах сплошь и рядом. И выражается не только в широком и умелом использовании цитат из русских и советских поэтов (прием этот называется центон), но и — что, на мой взгляд, главное — в благозвучии и классичности его стиха. (Помню, в том же одесском Доме актера на одном из выступлений Иртеньева присутствовал З.Е. Гердт. По-моему, он слышал тогда Игоря впервые.

Зиновий Ефимович громко смеялся, аплодировал, и у меня до сих пор звучит в ушах его восклицание: "Он прекрасен, потому что классичен!").

Да, Иртеньев добивается серьезных поэтических результатов именно в классической традиции. Причем, традиционны у него не только размеры, но и поэтические жанры — от басни до элегии, от альбомных стихов до пасторалей. Таким образом достигается одна из составляющих поэтического совершенства — благозвучие. Правда, это, как говорят математики, условие необходимое, но не достаточное. Главное в стихах Иртеньева, как я уже говорил, это все-таки юмор и ирония. Так вот, мне кажется, что именно это сочетание классического благозвучия с острым парадоксальным юмором и дает в результате поэтический феномен Иртеньева.

3

А теперь, отлично понимая, что проникнуть в тайны подсознания поэта мне не под силу, просто отмечу некоторые особенности его творческого метода.

Начну все-таки с безусловного — юмора и иронии в его стихах.

Одним из любимых приемов создания иронического у Иртеньева является инверсия.

Я болен.

Скрутил меня вирусный грипп,

Умолкли веселые песни.

Из легких моих вырывается хрип —

Исхода летального вестник.

Жены моей нет.

На работе она,

А может, сидит в ресторане

На чьих-то коленях

С фужером вина,

Морального краха на грани.

("Гриппозное", с. 45)

И женщины, чей род занятий

Не оставлял сомнений тени,

Раскрыв бесстыжие объятия,

Сулили гражданам забвенью.

— Ужель о том звенели струны
Моей подруги либеральной?! —
Воскликнул скальд, меча перуны
В картины адрес аморальной.

("Я шел к Смоленской по Арбату...", с. 138)

О перестройки пятом годе,
В разгар цветения ея,
Убит при всем честном народе
Он из бандитского ружья.

("Песнь о юном кооператоре", с. 140)

А вот более сложный вариант иртеньевской инверсии. Предполагающий в читателе некоторый уровень начитанности.

Какая ночь, едрит твою!

Черней Ремарка обелиска...

("Сюжет впотьмах", с. 121)

Тот, кто не читал "Черный обелиск" Ремарка, конечно, не поймет. Но зато тот, кто читал, не сможет не оценить изысканности этого оборота.

Примеры инверсии у Иртеньева можно было бы множить и множить...

Теперь перейдем к юмору и иронии, так сказать, в чистом виде. В этом, на мой взгляд, Иртеньев особенно силен. И набор приемов у него соответствующий.

Здесь и парадоксальный эпитет, и к месту использованная классическая строка, и игра слов, и неожиданный ракурс, и мгновенное развоплощение пафоса, и множество других способов достижения комического эффекта. (Предполагаю, кстати, что Иртеньев вряд ли осознает писание стихов как технологию. Думаю, у него все рождается спонтанно).

Однажды с крутой похмелюги
С ватагой он плыл по реке
На белом ушкуйничьем струге
С персидской княжностью в руке.

("Случай на воде", с. 38)

Стоит на страже часовой,
Он склад с тушенкой охраняет.
О чем он в этот час мечтает
Своей могучей головой?
(“Часовой”, с. 49)

Русоволосый, конопатый,
Предрасположенный к вину,
Сжимая верную лопату,
Кряхтя уходит в глубину.
(“Землекоп”, с. 54)

Трудна работа астронома —
Воткнув в розетку телескоп,
В отрыве от семьи и дома
Он зрит светил небесных скоп.
(“Астроном”, с. 70)

Моей любви прервался стаж,
Она с обрыва полетела,
И позабыл я голос ваш,
Черты лица и форму тела...
(“Угасший костер”, с. 74)

В пути не ведая преград,
Летит вперед,
На солнце глядя.
Он солнца — брат
И ветра — брат,
А самых честных правил — дядя.
(“Летающий орел”, с. 86)

Не гладьте брюки на ночь глядя,
Поскольку, брюки на ночь глядя,
Придется снять их все равно,
Чтобы не выглядеть смешно.
(“Не доливайте водку в пиво...”, с. 193)

Прошу прощения за обилие цитат. Хотя уверен, что читатель на меня не в обиде. Даже тот, кто хорошо знаком со стихами Иртеньева. Поскольку еще одно качество, характеризующее его как настоящего поэта, — то, что он перечитываем.

4

В разных интервью и просто в беседах Иртеньев часто говорит, что не понимает, как можно сегодня писать лирические стихи, — ведь все давно написано и названо. То есть тема, так сказать, закрыта. Шутит, видимо. Но главное все-таки в том, что по самой своей сути Иртеньев — антилирик. Для него лирика сродни пафосу, который он ни в каком виде не воспринимает.

Прав ли Иртеньев? Думаю, что не совсем. Просто открытая эмоциональность, прямое высказывание ему не свойственны. (Об этом, кстати, писал и Вадим Жук в предисловии: “Иртеньев редко-редко... выражает свой пылающий мир напрямую”). Характер дарования другой. В отличие, скажем, от его собрата по клубу “Поэзия” Тимура Кибирова. (Поэт Кибиров не входит в круг моего постоянного чтения, но именно у него я обнаружил удивительные лирические откровения — такие, скажем, как “Колыбельная для Лены Борисовой” или “20 сонетов к Саше Запоевой”. Кстати, подобные вещи соседствуют у него с ироническими стихами, тоже построенными сплошь на центоне. И я знаю, что многие у Кибирова именно их и предпочитают. Я не из их числа).

Но вернемся к теме “Иртеньев-лирик”. Или антилирик, что, по-моему, одно и то же. О чем бы он ни писал — о любви или о природе, о родине или об искусстве, о звездах или о смерти — у него, как у всякого лирика, тоже во всем отчетливо слышна личная нота. Но Иртеньев — лирик наоборот. Он утверждает, отрицая. Возьмем, скажем, его стихи о любви. Минимум два десятка остроумнейших стихотворений, посвященных отношениям мужчины и женщины, — лучшее тому доказательство. Читая или слушая эти стихи, мы не только от души смеемся, но и испытываем благодаря их остроумию и изяществу какое-то светлое чувство. А иногда и легкую печаль, когда автору при всей его иронии не удается скрыть некоторые нюансы личного эмоционального опыта:

Любовь. На вид простое слово,
А говорили — тайна в нем.

Но я проник в ее основу
Своим мозолистым умом.

...И что же разуму открылось,
Когда он пообвыкся там?
А ничего. Сплошная сырость,
Да паутина по углам.

("Любовь. На вид простое слово...", 1982, с. 41)

5

Нет, до чего же все-таки трудно писать всерьез о такой веселой материи как стихи Иргеньева! Может, попробовать как-нибудь иначе. Ну, к примеру, так...

Вчитываясь в строки поэта и пытаюсь вникнуть в их, так сказать, скрытый смысл, вдруг обнаруживаешь, что кроме тайн любви к его излюбленным темам относится и такая непостижимая вещь, как электричество, или такой странный народ, как японцы.

Электрический ток,
Электрический ток,
Напряженьем похожий
На Ближний Восток,
С той поры, как увидел я
Братскую ГЭС,
Зародился к тебе
У меня
Интерес.

("Электрический ток", с. 59)

А через несколько страниц — уже попытка написать хвалебную оду тем, кто в этой непостижимости все-таки сумел разобраться:

До чего же электромонтеры
В электрическом деле мамы!
Невозможно понять головой,
Как возможно без всякой страховки,
Чудеса проявляя сноровки,
Лезть отверткой в щит силовой.

...Нету в мире святее работы!
Во Всемирную Книгу Почета
Я б занес ее, будь моя власть.
Слава тем, кто в пределах оклада
Усмиряет стихию заряда,
Чтобы людям во тьме не пропасть!

("Электромонтерам", с. 73)

Что же касается японцев, то завистливый восторг перед ними автор выражает еще более определенно:

...Там видео в каждой квартире,
Там на нос по десять "Тойот".
Там сделать решил харакири,
Бери себе меч — и вперед.

...И пусть там бывает цунами —
Японский народный потоп,
Но я вам скажу между нами,
Что все у японцев тип-топ.

("В Стране восходящего солнца", 1989, с. 139)

Но Иргеньев — настоящий патриот: через несколько лет он все же спохватывается и дает этим самоуверенным японцам достойную отповедь:

...На другом конце родного края,
Где по сопкам прыгают сурки,
В эту ночь решили самураи
Перейти границу у реки.

...Хорошо, что в юбочке из плюша,
Всем известна зренья остротой,
Вышла своевременно Катюша
На высокий на берег крутой.

И направив прямо в сумрак ночи
Тысячу биноклей на оси,
Рявкнула Катюша что есть мочи:
— Ну-ка брысь отседа, иваси!

И вдогон добавила весома
Слово, что не с ходу вставишь в стих.
Это слово каждому знакомо,
С ним везде находим мы родных.

Я другой страны такой не знаю,
Где оно так распространено.
И упали наземь самураи,
На груди рванувши кимоно.

(“Выхожу один я на дорогу”, с. 214)

Это исполненное гордости за свою страну и ее бдительных граждан стихотворение написано в 1996 году. Но справедливости ради стоит сказать, что настоящим патриотом Игорь Моисеевич проявил себя гораздо раньше. Еще в 1987-м он создал произведение, где его патриотизм смог раскрыться во всей своей красе.

День весенний был погож и светел,
Шел себе я тихо, не спеша,
Вдруг американца я заметил.
Гражданина, значит, США.

Далее автор описывает гамму чувств, которую испытывает его лирический герой при виде представителя чуждого нам образа жизни. Но постепенно он приходит в себя и, ощущая за спиной всю мощь родной страны, принимает решение:

Вот уже совсем он недалече —
Обитатель чуждых нам широт.
И тогда, расправив гордо плечи,
На него пошел я —
Как на дзот.

Сжал в руке газету, как гранату,
Шаг, другой — и выдерну кольцо.
Было мне что НАТО,
Что СЕАТО —
Абсолютно на одно лицо.

Побледнев от праведного гнева,
Размахнулся я...

И тут нужно отдать должное автору. Он показывает нам своего лирического героя не как ограниченного, тупого обывателя, не читающего газет и не слушающего радио. Нет, его герой — вполне современный человек, к тому же не чуждый освежающих ветров перестройки и нового мышления:

...но в этот миг
Вдруг возникла в памяти Женева
И Рейкьявик вслед за ней возник.

Ощувив внезапное прозрень
И рассудком ярость победив,
подавил я старого мышленья
Этот несомненный рецидив.

(“Встреча”, с. 99)

Но все же не без удовлетворения отметим, что любовь к родине и гордость за нее оказались сильнее. Уже в следующем, 1988 году лирический герой Иргеньева справляется с проявленной им минутной слабостью и на известное заявление президента США Рональда Рейгана недвусмысленно заявляет:

Нет, мы империя добра!
А не империя мы зла,
Как мы тут слышали вчера
От одного тут мы козла.

(“Монолог на выдохе”, с. 107)

...И опять мой внутренний голос меня останавливает: что же это я такое пишу? Я же отношусь к тому, что делает Игорь, вполне серьезно... Ладно, признаюсь: просто не нашел другого способа эти остроумнейшие строки процитировать.

А теперь наберу в грудь побольше воздуха — и продолжу...

Несколько слов, так сказать, о непреходящем.

Волнуют ли Иртеньева вечные вопросы? Не сомневаюсь, что да. Просто задает он их и ищет на них ответы в своем, иртеньевском стиле.

Нам тайный умысел неведом
Того, в чьих пальцах жизни нить.

Кто это написал? Лермонтов? Баратынский?.. Да кто угодно!
А дальше вдруг:

Однажды мы пошли с соседом
На хутор бабочек ловить.

А это уже Иртеньев и только Иртеньев. Которого ни с кем не спутаешь.
Дальше (сожалея о том, что полное цитирование этого невероятно смешного стихотворения займет слишком много места) просто сообщу, что во время охоты на бабочек вдруг из-за кустов раздался выстрел, и соседа сразила чья-то пуля. А теперь опять слово Иртеньеву:

...Кто смерти был его причиной?
Чей палец потянул курок?
Под чьей, товарищи, личиной
Скрывался беспощадный рок?

Где тот неведомый компьютер,
Чьей воле слепо подчинясь,
Пошли с соседом мы на хутор
В тот страшный день и страшный час?

Смешны подобные вопросы,
Когда, сокрытыя в тени,
Вращая тайные колеса,
Шуршат зловещие ремни.

И мы — что бабочки, что мушки,
Что человеки, что грибы —

Всего лишь жалкие игрушки
В руках безжалостной судьбы.

("Нам тайный умысел неведом...", с. 172)

Какое изысканное издевательство над так часто встречающейся у поэтов чрезмерной многозначительностью, не правда ли?

Но означает ли это, что сам автор абсолютно безмятежен? Не думаю. Просто он против того, чтобы говорить о серьезных вещах с подобной же серьезной миной. Особенно в перспективе того, чем наша жизнь заканчивается. И в этом, я думаю, Иртеньев непосредственно примыкает к тому славному ряду известных авторов, кто с помощью смеха и иронии пытался преодолеть хаос жизни и ужас несуществования.

Между прочим, у Иртеньева много стихотворений, прямо затрагивающих тему смерти. Среди них, прежде всего, одно из самых ранних — "Конечно, это горько, но..." — своеобразный, на мой взгляд, иртеньевский "Памятник". Причем, если обычно поэты стараются писать свои "Памятники" попозже, осознав уже, так сказать, свое значение, то Иртеньев с этого практически начал. То есть, и тут посмеялся над традицией...

Конечно, это горько, но
Бессмертье мне не суждено —
Оно великим лишь награда.
Нет, не воздвигнут мавзолей
Во славу памяти моей,
Да мне, признаться, и не надо.

И двое строгих часовых,
От холода едва живых,
Но неподвижных, словно камень,
Не будут около меня,
Судьбу курсантскую кляня,
Стоять с примкнутыми штыками.

Мне предстоит иной покой.
Я знаю, кажется, какой —
Простая гипсовая урна
Да ниша в каменной стене.

Пусть непрестижно будет мне,
Но в остальном вполне недурно.
(“Конечно, это горько, но...”, 1981, с. 34)

И опять прошу прощения за полное цитирование. Далее просто назову другие стихи Игоря на эту опасную тему: “Куда ушли товарищи мои...”, “Когда сторю я без остатка...”, “Уход отдельного поэта...” Нет, опять не могу удержаться:

И снова, натурально, слезы,
Транспортировки скорбный труд,
Друзей искусственные позы,
Шопен опять же тут как тут.
(“Уход отдельного поэта...”, с. 211)

Бесстрашный он все-таки человек, этот Игорь Иртеньев, дай ему Бог здоровья! Мало у кого хватает духу смеяться над такими вещами.

И, наконец, еще одна вариация на тему смерти — “Кончался век, двадцатый век...”.

Это замечательное стихотворение вообще, на мой взгляд, стоит у Иртеньева особняком. Причем начато оно в характерном для него стиле:

Кончался век, двадцатый век,
Мело, мело во все пределы.
Что характерно, падал снег,
Причем, что интересно, белый.

Среди заснеженных равнин,
Как клякса на листке тетради,
Чернел какой-то гражданин,
Включенный в текст лишь рифмы ради.

Постепенно ирония в этом стихотворении исчезает. Почти...

...Лишенный плоти аноним,
Больной фантазии причуда,
Диктатом авторским гоним,
Брел в никуда из ниоткуда.

Вот так и мы — бредем, бредем,
А после — раз! — и умираем,
Ловя бесстрастный окоем
Сознания гаснущего краем.

И в конце уже совсем без иронии:

И тот, кто вознесен над всеми
И отмеряет наше время,
На этом месте ставит крест
И за другой садится текст.
(“Кончался век, двадцатый век...”, с. 149)

Так что не только смелый он человек, этот Игорь Иртеньев. А еще и весьма серьезный...

7

Кстати, осознанность отношения автора к своему творческому методу как к способу преодоления страха смерти и хаоса жизни находит свое прямое подтверждение в таком, как мне кажется, программном стихотворении Иртеньева, как “Баллада о гордом рыцаре”. Помните?

За высоким за забором
Гордый рыцарь в замке жил,
Он на все вокруг с прибором
Без разбора положил.

Так вот, мне кажется, что в герое этого стихотворения — гордом рыцаре — нетрудно узнать самого автора. Который к тому же получает разрешение на свой творческий метод, то есть на право “класть на все с прибором”, от самого Господа Бога. Причем разрешение это получено в результате того, что Вседержитель ничего не смог противопоставить рыцарским (авторским) аргументам.

Вот их диалог. Господь заявляет:
Есть каналы, по которым
До меня дошел сигнал,
Что ты клал на все с прибором.
Отвечает рыцарь: — Крал!

...Сохранить рассудок можно
В этой жизни только так.
Бренна плоть, искусство ложно,
Страсть продажна, мир — бардак.

Не привыкший к долгим спорам,
Бог вздохнул: — Ну что ж, иди.
Хочешь класть на все с прибором —
Что поделаешь, клади.

Отпускаю, дерзкий сыне,
Я тебе гордыни грех,
С чистой совестью отныне
Можешь класть на все и всех.

(“Баллада о гордом рыцаре”, 1991, с. 169)

Кстати, по прошествии нескольких лет Иртеньев вновь возвращается к теме одобрения Вседержителем своего творческого метода:

Идет в моем культурном слое
Неуправляемый процесс,
Формально связанный с землею,
Но одобряемый с небес.

(“Стихи мои, простые с виду...”, 1995, с. 207)

8

А теперь я позволю себе коснуться такой темы (да простит мне мой дорогой друг потуги на наукообразие), как “Иртеньев и народ”. Вот где антилирик Иртеньев, используя выражение одного моего одесского знакомого, порезвился!

Еще в глухие советские времена он пишет:

А если в процессе движенья
Пройдешь ты, товарищ, по мне,
То это свое положенье
Приму я достойно вполне.

И, чувствуя вдавленной грудью
Тепло твоего каблука,
Я крикну: “Да здравствуют люди!
Да будет их поступь легка!”

(“Похвала движению”, 1979, с. 29)

Не меняет поэт подобного отношения к своим согражданам и в годы перестройки:

С улыбкой мимолетной на устах,
В поток различных мыслей погруженный,
Брожу порой в общественных местах,
Толпой сограждан плотно окруженный.

Как мне они физически близки,
Те, за кого пред небом я в ответе, —
Солдаты, полотеры, рыбаки,
Саксофонисты, женщины и дети.

(“С улыбкой мимолетной на устах...”, 1990, с. 158)

Обратите внимание, кроме слова “саксофонисты” в этих восьми начальных строчках стихотворения явных знаков издевки почти нет. Но, тем не менее, каждая строчка пропитана типично иртеньевской иронией.

Касаясь под тем или иным углом этой темы (см. такие стихи как “Автобус”, “Про Федота”, “Приглашение в Мытищи”, “Мой ответ Альбиону”, “Не нам бродить по тем лугам...”, “Одиноко брожу среди толпы я...” и многие другие), Иртеньев наиболее полно раскрывает эволюцию своих взаимоотношений с народом в блестящем, на мой взгляд, стихотворении “Народ. Вход-выход”.

Когда я вышел из народа,
Мне было двадцать с чем-то лет.

Так начинает Иртеньев, и через несколько строк (количество которых все же гораздо меньше прожитых по сюжету лет) кается в своем необдуманном поступке и говорит народу:

Ты дан навеки мне от Бога,
Ты мой навеки господин.
Таких, как я, довольно много,
Таких, как ты, — всего один.
Кто есть поэт? Невольник чести.
Кто есть народ? Герой труда.
Давай шагать с тобою вместе
По жизни раз и навсегда.

Но, решив вернуться в народ, поэт испытывает новое разочарование:

...Он не спешил в мои объятия,
И тут я понял, что народ
Есть виртуальное понятие,
Фантазии поэта плод.
И понял я, что мне природа
Его по-прежнему чужда,
И вновь я вышел из народа,
Чтоб не вернуться никогда.

("Народ. Вход-выход", 1999, с. 234)

Казалось бы, все. Взаимоотношения выяснены, и назад, как говорится, дороги нет. Не тут-то было. Иртенев (на этот раз уже в роли поэта-правдо-руба) вновь возвращается. Причем не только к этой теме, но и в народ:

Защитник падших и сирот,
Бельмо в глазу бездушной власти,
Я всей душою за народ,
Поскольку сам народ отчасти.

Я весь ему принадлежу —
И в этом высшая награда.
На нем стоял, на нем сижу,
На нем и лягу, если надо.

("Закончен творческий простой", 1999, с. 319)

Что я думаю обо всем этом? Я думаю, что, несмотря на явную издевку, вряд ли кто-то заподозрит Иртенева в попирании демократических и гуманистических традиций русской литературы. Ну разве если этот

кто-то напрочь лишен чувства юмора. Просто поэт против того, чтобы относиться к народу как к священной корове. И потом, не нужно забывать, что Иртенев — антилирик. Он, как я уже говорил, утверждает отрицая. И утверждает, в частности, то, что истинный демократизм — это не сюсюканье над народом и не клятвы ему в любви с битьем себя в грудь, а готовность понять другого. И обязательно озабоченность тем, чтобы тебя тоже поняли. Причем поняли правильно.

Кстати, отсюда, мне кажется, и сравнительная простота стихов Иртенева. И в этом, я думаю, проявляется не только его принципиальная художественная установка на, если можно так выразиться, понятность текста, но и присущий ему демократизм. И если задаваться вопросом, для кого пишет Иртенев, то, думаю, ответ "для нормальных людей" будет вполне правильным. Для каких таких нормальных? — спросите вы. Ну, скажем, для тех, кто предпочитает Сергея Довлатова Виктору Пелевину, Михаила Жванецкого Михаилу Задорнову и Светлану Сорокину Сергею Доренко. А таких, я уверен, среди читающей и слушающей публики все-таки большинство. Да-да, большинство, как бы наши эстрадные подмостки, экраны телевидения и книжные прилавки это не опровергали. Людям от природы присуще чувство нормы. Так же как, скажем, чувство справедливости. С другой стороны, они не могут отгородиться от мира и не воспринимать то, что им дают. Весь вопрос в том, что предлагается.

Телевизионные и эстрадные продюсеры, акулы книжного бизнеса всегда выбирают путь наименьшего сопротивления. Потому что это самый короткий путь. Причем не только к сердцу зрителя и читателя, но, главное, к деньгам. Тем не менее, я сам многократно был свидетелем, как на вечерах юмора, где царили эстрадные звезды не лучшего вкуса, поэт Иртенев в течение тех пятнадцати — двадцати минут, что находился на сцене, имел успех не меньший, но уж точно (как бы это полочнее сказать) более качественный, чем другие. И если говорить о произведениях хорошего вкуса, я уверен: есть, все же есть та золотая середина, которая делает текст ли, музыку ли, а также их исполнение близкими и доступными большинству. Правда, создавать подобного рода вещи дано, конечно, не всем. Иртеневу — дано...

Я думаю, когда-нибудь по стихам Иртенева можно будет изучать историю нашего времени. Причем это будет гораздо интереснее (во всяком слу-

чае, веселее), чем по учебникам. Присущий Иртеньеву от рождения, по его собственным словам, "общественный темперамент" заставлял его откликаться на актуальные события еще задолго до того, как он стал поэтом-правдорубом. И многие из таких откликов, на мой взгляд, оказались долговечнее вызвавшего их повода. И опять же, благодаря своим художественным достоинствам.

У Пастернака в "Докторе Живаго" я вычитал такую мысль: "Присутствие искусства на страницах "Преступления и наказания" потрясает больше, чем преступление Раскольникова". Так вот, мне кажется, что такие иртеньевские стихотворения, как уже упомянутая мной "Встреча", "Ероплан летит германский", "Во дни державных потрясений..." и многие другие, уже мало связаны с поводом их написания — это просто прекрасные стихи, которые хочется читать вслух друзьям и знакомым.

А насчет того, что по Иртеньеву можно будет изучать историю, приведу, скажем, такой пример (уверен, что читатели только поблагодарят меня за пространное цитирование). Вот что написал поэт в стихотворении "Все отлично", посвященном окончанию афганской войны:

Отличные парни отличной страны
Недавно вернулись с отличной войны,
В отличие от целого ряда парней,
Которые так и остались на ней.

Отлично их встретил отличный народ,
Который в стране той отлично живет,
Отличных больниц понастроил для них,
Где коек больничных — одна на двоих.

Отличным врачам поручил их лечить,
Что руки не могут от ног отличить.
Отлично остаться живым на войне,
Но выжить в больнице — отлично вдвойне.

Отличных наград для героев отлил,
Отличных оград для приличных могил,
А кто не успел долететь до небес —
Отличные пенсии выдал собес.

("Все отлично!", с. 125)

Это небольшое стихотворение, написанное в 1989 году, то есть по свежим следам события, вместило в себя, на мой взгляд, всю правду о той жуткой и бессмысленной войне. Причем оно полно не только горькой иронии, но и искреннего сострадания.

И я думаю, что в этих стихах тоже весь Иртеньев, хотя и немножко другой.

А в завершение разговора о художественном фиксировании поэтом исторических фактов — еще один пример блестящего, на мой взгляд, иртеньевского остроумия.

Все помнят тот период ельцинского правления, когда он менял премьер-министров одного за другим. И вот как откликнулся на один из таких случаев Игорь:

Внешний вид товарный,
Честные глаза,
Утвердили парня
С первого раза.

Генерал Степашин,
Козырной валет,
Генерал Степашин,
Черный пистолет.

Не гляди так строго,
Не гони понты,
Погоди немного —
Отдохнешь и ты.

("Внешний вид товарный...", 1999, с. 314)

И вот что еще я хочу сказать. Поэты не всегда склонны указывать под стихами время их написания. Для Иртеньева, в определенном смысле современного летописца, думаю, это принципиально важно...

И еще несколько слов о цитатности (центонности) поэзии Иртеньева. Чьими размерами или строчками поэт пользуется — Пушкина или Кольцова, А.К. Толстого или Аполлона Григорьева, Гете или Эдгара По,

Багрицкого или Лебедева-Кумача, Есенина или Асадова — большого для меня значения не имеет. И вообще, это дело профессиональных иртеньеведов — а они, что для меня не удивительно, уже появляются. (Я имею в виду, например, вполне научную и весьма дельную, на мой взгляд, статью А.Э. Скворцова из Казани "Уж не пародия ли он?": Об интертекстуальности поэзии И. Иртеньева", опубликованную в сборнике "Polonica. Rossica. Syclica". М., Дом интеллектуальной книги, 2001). Я же просто читатель. Правда, надеюсь, внимательный. И у меня сам по себе момент угадывания, откуда что взято, особого восторга не вызывает. Восторг вызывает, как я уже говорил, тот художественный результат, который после использования всех этих поэтических приемов возникает.

К тому же у Иртеньева много прекрасных и остроумнейших стихотворений, написанных и без использования центона. К примеру, "Лесная школа", "Городским поэтам", "Что зачем", "На Павелецкой-радиальной...", "В одном практически шнурке..." (одно из моих самых любимых!) и многие другие. Если в них даже и есть какие-то заимствования, следы переключки с кем-то, то, согласитесь, не столь явные. Во всяком случае, не они в этих стихах делают погоду. Что, кстати, говорит и о широте иртеньевской поэтической палитры.

А еще есть у Иртеньева несколько просто загадочных вещей. (Не исключено, что загадочных только для меня...) Вот, скажем, такое стихотворение:

Вчера явился мне во сне мужик.
Его был страшен и причудлив лик,
Глаза огнем горели, а из уст
Свисал сухой смородиновый куст.

Что это? С кем здесь у Иртеньева переключка? Не с Заболоцким ли (помните "Можжевельный куст")? Вряд ли...

Внезапный ужас члены мне сковал,
Видением сраженный наповал,
Не в силах удержать в коленях дрожь,
Я прошептал: — Ну ты, мужик, даешь!

Видал я разных мужиков во сне,
Порою адекватных не вполне.

Но ни один из них, клянусь крестом.

Не посещал меня во рту с кустом...

("Вчера явился мне во сне мужик...", с. 163)

Описывает ли Иртеньев свой подлинный сон, иронизирует ли над чьей-то склонностью к мистике — не знаю. Знаю только одно: если это и жутко, то лишь в том смысле, что жутко смешно...

А вот еще одно удивительное, на мой взгляд, стихотворение — "Прелюдией Баха хоральной...", в котором Иртеньев в том же ироническом стиле пишет о своей любви к музыке Баха. Заканчивается оно так:

...Затянут рутины потоком,
Воюя за хлеба кусок,
Я редко пишу о высоком,
Хотя интеллект мой высок.

Но чувствую в области паха
Предательский я холодок,
Едва лишь прелюдии Баха
Заслышу протяжный гудок.

("Прелюдией Баха хоральной...", с. 237)

И вот что в связи с этим мне вспомнилось. Где-то я прочел, что в литературную студию к К.И. Чуковскому ходил молодой Зоценко. Как-то Корней Иванович попросил его написать рецензию на стихи Блока. Зоценко написал и принес. Это была вполне серьезная рецензия. Так он считал. Но когда по просьбе Чуковского автор начал читать ее вслух, присутствующие не могли сдержать хохота. Зоценко любил и почитал Блока, вообще хорошо знал и ценил поэзию. Но у него уже в молодости был свой стиль. В котором он чувствовал себя наиболее естественно — стиль Зоценко. И он просто не мог писать иначе.

Вернемся к процитированным выше иртеньевским стихам. Никакая ирония не в силах скрыть то, что он по-настоящему любит музыку Баха. Просто он не может писать иначе, таков его стиль. Стиль, в котором он чувствует себя наиболее органично. Стиль Иртеньева.

И еще одно его стихотворение стоит как бы особняком. Это "Елка в Кремле". С одной стороны — здесь вообще сплошной центон. И размер хрестоматийный михалковский — помните: "Я поведу тебя в музей, — сказала мне сестра..."? Но если говорить о попытках художественно запечат-

леть эпоху, когда, как сказано у Шекспира, "распалась связь времен", то эти стихи Иртеньева кажутся мне одной из наиболее удачных:

...Смешались нынче времена
За праздничным столом.
Идет Столетняя война,
Татары под Орлом.

Какая ель, какая ель
В Кремле под Новый год!
Такой не видывал досель
Видавший все народ.

На ней усиленный наряд
Из пулеметных лент.
Висит матрос, висит солдат.
Висит интеллигент.

...Подводит к елке Дед Мороз
Снегурочку-Каплан,
Он в белом венчике из роз,
Она прошла Афган.

...Играет Ленин на пиле
Заветы Ильича,
Плутает разум мой во мгле,
Оплавилась свеча.

На хорах певчие блюют,
И с криками "ура!"
Часы на Спасской башне бьют
Бухие любера.

("Елка в Кремле", 1989, с. 146)

Я вот думаю, почему эти типичные для Иртеньева, написанные игри-
вым размером иронические строки производят на меня такое трагическое
впечатление. Не исключено, что все дело как раз в этом сочетании. Иртен-
ьев все смешал — времена, события, их участников. И заключив этот аб-
сурд в веселый ритм михалковского стихотворения, сумел достичь под-
линного драматизма. Потрясающие стихи...

У меня есть друг, всю жизнь большой поклонник стихов Евгения Евту-
шенко. Многие годы он лелеял мечту познакомиться с поэтом лично. Но,
услышав как-то от сведущих людей о некоторых чертах Евгения Алексан-
дровича, не совсем, скажем так, соответствующих его поэтическим деклара-
циям, возрадовался: "Как все-таки хорошо, что я с ним так и не познако-
мился! Очень не люблю разочаровываться...".

Я много лет дружен с Иртеньевым. И поразительная вещь: в стихах бес-
пощадный иронист и пересмешник, подвергающий осмеянию самые, каза-
лось бы, святые вещи, в жизни он — человек принципов. В чем-то даже не-
сколько старомодный. Но старомодный в лучшем смысле этого слова. Я
имею в виду, что он человек чести. А это, согласитесь, по нынешним време-
нам среди представителей творческой интеллигенции встречается не так
уж часто.

Мне вообще кажется, что слова Лермонтова о Пушкине "невольник чес-
ти" — наиболее точное определение человеческой составляющей истинно-
го поэта. А инстинкт гармонии и совершенства, если только он есть, не поз-
воляет поэту нарушать какие-то основополагающие этические принципы
и в своем творчестве.

Кстати, Игорь, тоже упоминает — хотя, конечно, в свойственной ему ма-
нере — знаменитую лермонтовскую формулу:

Закончен творческий простой,
И вновь, друзья, я с вами вместе,
Российский правдуроб простой,
Невольник НТВ и чести.

("Закончен творческий простой...", с. 319)

И еще одно важное качество Иртеньева — его цельность. Что проявля-
ется, в частности, в неспособности в каких-то ситуациях к компромиссам.
Жванецкий о нем сказал: "Выпьем за Иртеньева. Это самый принципиаль-
ный человек в мире. Он ползет по пустыне, мечтая о глотке воды, доползает
до колодца, ему протягивают стакан, он отказывается и ползет дальше...".

Кроме того, он резок, он смел. Я был несколько раз свидетелем того,
как Игорь реагировал на проявление глупости и хамства. Приведу только
один пример.

Было это в Сочи на фестивале "Кинотавр". После просмотра нашу-

мевшего тогда, а ныне справедливо, на мой взгляд, забытого фильма Василия Пичула "Мечты идиота" по "Золотому теленку" Ильфа и Петрова со звездой эстрады Сергеем Крыловым в роли Остапа Бендера организаторы фестиваля собрали пресс-конференцию. Помню, что практически все только что покинувшие кинозал журналисты и просто зрители вроде меня были в легком шоке — настолько, мягко говоря, смелое решение предложил режиссер. Но когда кто-то из присутствующих робко позволил себе усомниться в праве режиссера так вольно трактовать роман и особенно образ Остапа, заговорил главный исполнитель. Да как! Привыкший (простите за жаргон) к поповой тусовке, к успеху у определенной публики, Крылов обиделся и, как говорится, отъязался. Он заявил присутствующим, что они ничего не понимают, стал учить их жить, причем все это на своем, принятом среди эстрадников, хамском языке. Все почувствовали жуткую неловкость, возникло ощущение абсурда происходящего, некоторые встали, чтобы уйти. И тут взвился Игорь. В минуту афористично и точно сформулировав причины своего неприятия фильма, он так же легко и элегантно "убрал" Крылова. Помню, с каким облегчением и от души хохотали молодые журналисты и кинокритики над горе-Остапом, как вернулось ко всем ощущение реальности и здравого смысла.

А вот пример (чему я тоже был свидетелем) проявления и других качеств Иртеньева, свидетельствующих о его нравственном здоровье. Как-то мы встретились в редакции журнала "Магазин" с известной писательницей. Речь зашла и о поэзии. И гостя, в частности, сказала, что среди поэтов новой волны первой она считает безвременно ушедшую Нину Искренко. Я видел, как это обрадовало Игоря, как горячо он ее поддержал. И когда на следующий день он взял меня с собой в клуб ОГИ на вечер памяти Искренко, я слышал, с каким волнением и гордостью он сообщил присутствующим о мнении авторитетного и уважаемого всеми литератора.

А между тем в отклике, посвященном памяти Нины Искренко, Игорь писал: "Не все, что она делала, я понимал и принимал. По сию пору домашний, уютный Перышкин кажется мне ближе и надежнее отдающих космическим сквозняком Дирака или, к примеру, Планка — мир им обоим. Она же, физик по образованию и во многом по складу ума, до конца своих — так незаслуженно коротких — дней искала химерическую связь между физической и поэтической картиной мира...". И, тем не менее, в конце отклика: "Но думаю, что в нашем поколении Нина Искренко была самым крупным явлением поэтической природы..." ("Принимая покой как наркотик" — в кн.:

Нина Искренко. О Главном... (Из дневника Н. И.). М., Издательство Независимая Газета, 1998).

То, что Иртеньев хорошо усвоил уроки классиков и особенно Пушкина, убедительно показывают и его — назовем их так — альбомные стихи, строки, посвященные друзьям. И он, ей-богу, не зря включил их в книгу. Тем более из опыта классических поэтов опять же известно: никогда не знаешь, что из тобой написанного — в альбом ли, по вдохновению ли — станет популярным. Сколько дружеских посвящений и всяких там "К ..." сделались хрестоматийными стихами, в том числе и известными романсами.

А если взять, скажем, век двадцатый, то обилием экспромтов и дружеских посвящений особенно "грешили" знаменитые обериуты — Хармс, Олейников, Заболоцкий и другие. (Я, кстати, вслед за Вадимом Жуком, не считаю их предшественниками Иртеньева. Да и вообще, выяснение его поэтической родословной тоже полагаю заботой будущих иртеньеведов).

Возвращаясь же к теме дружеских посланий в поэзии Иртеньева, скажу, что в том своего избранного он включил их совсем немного. Среди них, скажем, лихое посвящение известному телеведущему Льву Новожену "Был ты, Лева, раньше бедный...", два замечательных текста "Джентльмен и обмен" и "Поэт и прозаик", адресованных писателю Александру Кабакову, виртуозное "Заявление для печати", в котором Иртеньев, так сказать, запечатлел имена своих друзей-поэтов — сотоварищей по клубу "Поэзия", и, увы, немногие другие. "Увы" — потому что я знаю, с какой готовностью Игорь откликается на разные дружеские поводы, какие пишет блестящие экспромты. Помню, скажем, когда должен был выйти первый номер журнала "Фонтан", я позвонил ему и попросил как-то откликнуться. Через несколько минут он перезвонил и прочел:

Душа ликует и поет,
Мы пьем, друзья, за ваш успех
И верим, что "Фонтан" забьет,
Но не на все и не на всех!

Вообще, мне кажется, что для Иртеньева в его жанре нет неразрешимых задач. Уверен, что он может написать смешно и при этом изящно практически обо всем. Ему, по-моему, в этом деле присущ даже некоторый азарт. Вот

помню, как-то у нашего общего друга писателя Михаила Мишина вышла новая книга. Игорь откликнулся тут же. Этого экспромта в цитируемом томе нет, поэтому приведу его полностью:

Кто из нас не любит Мишку?
Миша Мишин всем нам мил.
Замечательную книжку
Написал наш Михаил.

С чувством нравственного долга
Эту книжку он писал.
Я прочел ее — и долго
В воздух чепчики бросал.

В офигенном переплете,
Шрифт, бумага — все при ней.
Посильней, чем "Фауст" Гете,
И раз в десять посмешней.

Потерявши стыд и совесть,
Он во всей предстал красе.
Есть рассказы в ней и повесть,
Пьесы, очерки, эссе.

Пульс эпохи в книге слышен,
Слышен гул лихих годин.
Молодец, товарищ Мишин, —
Извиняюсь, господин.

Он, мятежный, просит бури,
Пышет гневом и тоской.
В нашей, блин, литературе
Он всего один такой.

Словом, не сомневаюсь, что если бы Иртеньев решил издать сборник своих дружеских посланий, то это была бы тоже замечательная и не очень тонкая книжка.

Я почему уделяю столько внимания такой, казалось бы, второстепенной стороне творчества Иртеньева, как экспромты или стихи на случай? Во-первых, потому, что, повторю, многие из них написаны со всем присущим

Игорю блеском. То есть стремление к совершенству и тут налицо. А во-вторых, в этом, по-моему, тоже проявляется душевная открытость и непоказной демократизм Игоря.

И вот еще о чем хочется сказать.

Известно, как трудно писателю, если главная составляющая его таланта — сатирическая, писать какие-то положительные вещи. Это только Зощенко, утверждавший, что не было случая, чтобы материал ему не подчинился, ухитрялся писать "положительные фельетоны". Так вот я хочу сказать, что при всей беспощадности своей иронии, при всем своем скептицизме Иртеньев ни в коем случае не циник. Вот как написал он, к примеру, даже о таких вечно пародируемых личностях, как Михаил Горбачев и Борис Ельцин.

Ходил недолго в президентах
Михал Сергеич Горбачев,
Но был на разных континентах
Любим за это горячо.

...Но все ж сказать ему спасибо,
Хотя б подать ему пальто
Вполне мы, думаю, могли бы,
Да воспитание не то.

("Ходил недолго в президентах...", с. 309)

Или о Ельцине:

Приводя в отчаянье помрежей
И суфлеров доводя до слез,
Он резвился с грацией медвежьей
И такое с этой сцены нес!

Мы над ним тут власть поизмывались,
На углу на каждом понося,
Но при этом деда не боялись —
Вот в чем загогулина-то вся.

("Хорошо ли это или плохо...", с. 324)

Как видим, при всем сатирическом пафосе своих стихов Иртеньев не чужд ни милосердия, ни сочувствия. И эта объективность, и широта

взгляда, а проще говоря, здравый смысл, тоже сплошь и рядом ощущаются в его стихах. Так что и в этом он продолжатель лучших традиций русской классической поэзии...

13

Я все думаю, откуда в Игоре вот эта внутренняя цельность. Конечно, здесь и детство в интеллигентной семье — не зря же он написал в автобиографии, что многие книги в семейной поэтической библиотеке были с автографами. Не исключено также, что у него были хорошие учителя в школе. Но, думаю, немалую роль здесь сыграло и другое.

В годы, когда идеалы уже давно себя скомпрометировали, а религия была в полном загоне, должно же было остаться хоть что-то, что могло их заменить: без духовной опоры человеку жить трудно. И, думаю, такой духовной опорой для Игора, своего рода религией, как раз и стала русская поэзия. Потому что она сама и опыт жизни ее лучших представителей всегда учили нас этике. И если в людях моего поколения и сохранились какие-то этические устои, то этим многие из нас обязаны именно любви к чтению, прежде всего к чтению стихов. Пушкин и Лермонтов, Баратынский и Тютчев, Блок и Цветаева, другие русские поэты золотого и серебряного века по рождению и воспитанию были аристократами. И их природный аристократизм, помноженный на поэтический дар, отлился в классические строки, вобравшие в себя это их человеческое и поэтическое благородство, которые и воздействуют на нас каким-то непостижимым образом. В том числе и в этическом плане.

Так вот, в те редкие дни, когда мне удастся с Иртеньевым видаться, я каждый раз обнаруживаю в нем этот самый внутренний аристократизм. При всем том, что Игорь хорошо знает себе цену, он чрезвычайно скромно. В его поведении действительно ощущается некая обаятельная старомодность. Он учтив. Он твердо произносит "с" в конце глаголов — так говорят выходцы из дворянских семей и актеры старой школы. Кстати, сторонник точных рифм, Иртеньев даже рифмует эти глаголы, ориентируясь на твердое произношение:

Блестело солнце под луною,
Молчал о чем-то кипарис.
Я повернулся к вам спиною,
И мы навеки разошлись.

("Танго в стиле кич", с. 51)

Или:

Я б вступил в писателей Союз,
Чтоб улучшить свой моральный климат,
Только, честно говоря, боюсь,
Что они меня туда не примут.

("Заявление для печати", с. 105)

Это его чуть старомодное немногословное благородство ощущается и в стихах: по форме они строги и лаконичны, в них нет столь характерной для некоторых современных поэтов нарочитой неряшливости стиля, в них не встретишь пробуксовывающих не только четверостиший, но даже строк. К тому же каждая строка, что называется, функциональна: она либо иронична, либо неожиданна, хотя чаще и то, и другое вместе. Да, Иртеньев краток и интеллектуально насыщен. Многие стихи у него рассчитаны, так сказать, на длину выдоха. Даже стихотворение есть с таким названием — "Монолог на выдохе".

Нужно сказать, что краткость Иртеньеву вообще свойственна. В книге есть даже целый раздел миниатюр, где он умудряется в двух, максимум четырех строчках достичь блестящего результата. А есть и просто подборка таких стихов, названная "Короткие встречи"...

14

Отдельная тема — стихи Иртеньева, написанные для передачи "ИтоГо". С другой стороны, почему отдельная? Ведь не случайно многие из этих стихов включены автором в том избранного.

На первый взгляд странно, правда? Стихи, написанные к случаю, к факту, почти по заказу, практически не отличаются от написанных, так сказать, по вдохновению.

Скажут, что это свидетельствует о высоком профессионализме автора. Думаю, профессионализм здесь вообще ни при чем. К слову, мне кажется, что понятие писатель-профессионал — это прямое порождение советской эпохи, причем еще сталинских времен. Тогда, кстати, и было основано по предложению Горького не имевшее аналогов ни в какой стране специальное учебное заведение для подготовки писателей-профессионалов — Литературный институт. А намекнул буревиестнику революции на это, я думаю, сам вождь. Рискну даже проследить ход мыслей Иосифа Виссарионовича.

Помните его знаменитое: писатели — инженеры человеческих душ? А где у нас готовили инженеров? Правильно, в вузах. Скажете, это всего лишь сталинская метафора. Но согласитесь — очень уж для Иосифа Виссарионовича характерная. Ведь он всегда мечтал о том, чтобы и души можно было конструировать по определенному шаблону. Что, кстати, многие литераторы тогда и делали. Причем безуспешно.

Словом, если писатель, простите за штамп, настоящий, то добавлять к нему скучное и унижительное определение "профессионал" глупо и бессмысленно. Равно как и выдавать ему подтверждающее это удостоверение. Но тут меня совсем уже повело на банальности. Поэтому вернемся к Иртеньеву.

Я не знаю всех тайн и методов его работы, но в одном убежден абсолютно: он ни за что не взялся бы за практически поденную и рутинную работу "поэта-правдоруба", если бы не разделял в то время основных политических установок автора передачи. Да и общий иронический пафос телепрограммы Виктора Шендеровича был Иртеньеву по-человечески очень близок. Более того, уверен, что, если бы Иртеньева не пригласили в "ИтоГо", он все равно, пусть и не так регулярно, писал бы на эти темы. Как делал это и раньше. От себя никуда не денешься. Характер такой. Так что ему, к счастью, не пришлось наступать на горло собственной песне. Да он и не смог бы...

За пять лет существования передачи "ИтоГо" поэт-правдоруб Игорь Иртеньев написал для нее свыше двухсот(!) экспромтов, и среди них такие, по праву включенные в антологический том стихотворения, как "Отвратительно, страшно, мохнато...", "Ходил недолго в президентах...", "Закончен творческий простой...", "Пусть не тщатся русофобы...".

И еще о профессионализме. Точней, о том, что не в нем дело. Но на примере уже другого писателя. И тоже мною очень почитаемого.

"Я тут продал Половцу за тысячу долларов несуществующую повесть", — писал Сергей Довлатов Игорю Ефимову ("Эпистолярный роман: Переписка Сергея Довлатова с Игорем Ефимовым". М., Захаров, 2001). Через некоторое время повесть была написана. Называлась она "Иностранка". Когда я недавно (по-моему, уже в третий раз) перечитывал всего Довлатова, то вновь прочел и "Иностранку". И вновь поразился (зная уже историю ее появления) легкости и блеску, с которыми она написана. С какой теплотой и симпатией описывает Довлатов своих непутевых героев! Какой демонстрирует блестящий юмор! Как деликатно и с какой самоиронией вкраплена в повествование фигура автора! Как лихо

и вместе с тем просто закручен сюжет! Сколь смелы и в то же время целомудренны так называемые эротические сцены! Как естественно и празднично выстраивается финал!..

Так к чему, вы спросите, я веду? Какое отношение все это имеет к Игорю Иртеньеву?

А такое, уважаемые поклонники хорошей литературы и невымученного юмора, что и это произведение было написано не по душевной потребности, а в связи с определенными обстоятельствами. То есть практически по заказу. И тоже совпало, по-видимому, с какой-то внутренней установкой автора. Но в отличие от Иртеньева, в природе дарования которого главное место занимает сатирическая составляющая, у Довлатова заказ на повесть-киносценарий совпал, по-видимому, с искренней человеческой симпатией и сочувствием к простым, не очень осознающим трагедию своего эмигрантского существования людям. Другими словами — чуть перефразировав мысль самого Довлатова о Пушкине — он и на этот раз блестяще продемонстрировал свое сочувствие ходу жизни в целом...

Справедливости ради скажу, что Довлатов к понятию "писатель-профессионал" относился вполне нормально. Но и для него оно всегда означало не столько род занятий, сколько уровень исполнения.

15

Понятно, что при всем желании даже в таких, немалого объема, заметках я не смогу рассказать все, что думаю о стихах Иртеньева и о нем самом. Но еще хотя бы несколько слов. Скажем, о его языке.

Если когда-нибудь попытаются издать словарь поэта Иртеньева, то для исследователей, думаю, откроется немало интересного.

Но меня интересует вот что: как скажутся на будущей судьбе иртеньевских стихов столь часто используемые им всякие там, простите, "халявы", "блины" и "тусовки"? Не приведет ли введение в текст жаргонных, модных, сиюминутных словечек к тому, что через некоторое время стихи, в которых они были использованы, что-то потеряют?

И вот что я думаю об этом.

У Давида Самойлова есть такое достаточно известное стихотворение:

Поэзия пусть отстает
От просторечья —
И не на день, и не на год —
На полстолетья.

За это время отпадет
Все то, что лживо.
И в грудь поэзии падет.
Все то, что живо.

Я думаю, что Самойлов не совсем прав.

Мне кажется (и я опять прошу простить за банальность), что никаких языковых табу для писателя вообще быть не может. Все дело в особенностях дарования. Их много, этих особенностей, но главное — и я продолжаю на этом настаивать — бессознательное стремление к совершенству. То есть вкус. И тут нужно довериться автору. Язык живет своей жизнью, запас слов в словарях все время пополняется, и роль поэтов и писателей в расширении богатств языка, как известно, немалая. Если стихи, в которых использованы жаргонные слова, вызывают у читателей-современников не просто подростковый телачий восторг, а — повторяюсь — восторг души, то существует большая вероятность, что слова эти со временем пополнят не только специальные словари. Пушкинисты, к примеру, уже давно исследовали, сколько новых слов появилось в русском литературном языке благодаря Пушкину. А возвращаясь к Иртеньеву, скажу, что раздражающие иное интеллигентское ухо слова "халява" и "тусовка", может быть, обрели по-настоящему долгую жизнь благодаря такому, на мой взгляд, замечательному его стихотворению, как "Средь шумной халявной тусовки..." (Тут уж я цитирую полностью, даже не извиняюсь!)

Средь шумной халявной тусовки,
Где запросто вилки крадут,
Я встретил небесной фасовки
На диво стерильный продукт.

В углу притулившись несмело
На периферии стола,
Она нечто постное ела
И легкое что-то пила.

Взирая на хрупкое чудо,
Мешая с бурбоном вино,
Я думал — откуда, откуда
Она здесь, вернее, оно?

Что общего в ней с этим местом,
Где зверя витает число?
Каким, извиняюсь, зюйд-вестом
Ее в сей вертеп занесло?

Меж тем запустили цыганов,
В гостиную затеяли штос,
И рядом стоящий Зюганов
Влепил мне дежурный засос.

И я, человек закаленный
И трезвый не то чтоб всегда,
Поймав ее взгляд изумленный,
Покрылся румянцем стыда.

Вот так, среди адского чада,
Свой свет несказанный лия,
Явилась мне Хакамада,
Неспетая песня моя.

("Средь шумной халявной тусовки...", 1999, с. 232)

Как нетрудно заметить, в текстах Иртеньева встречаются не только современные жаргонные слова, но и фамилии известных политических деятелей. И я думаю, что обаятельная Ирина Муцуовна останется в памяти потомков, дай Бог ей здоровья и долгих лет жизни, не только как один из лидеров Союза правых сил, но и как героиня прекрасного стихотворения современного поэта, посвятившего ей своеобразное "Средь шумного бала...".

И еще два слова о языке Иртеньева.

У него в том избранного, к моему глубокому сожалению, есть и стихи, в которых использована ненормативная лексика. Их два-три — не больше, но, да простит меня автор, именно потому, что их немного, они прямо-таки торчат гвоздями из этой изящной и выверенной книги. И дело не в том, что я против использования непечатных слов. Просто существуют некоторые условности написания. С пропуском букв, например. (Культура вообще, как известно, свод ограничений и набор общепринятых правил. Иначе — хаос). Почему нужно было писать эти слова целиком, я не совсем понимаю. Зная Игоря, уверен, что это ни в коем случае не дань моде. Тогда что же это?..

Между прочим, поэта Иртеньева все чаще и чаще воспринимают уже не просто как сатирика. Например, Евгений Евтушенко включил его стихи в свою антологию русской поэзии, причем не по разряду сатирической. Выделил его из современных поэтов и такой авторитетный стиховед как Ефим Эткинд. Подборку совершенно новых иртеньевских стихотворений опубликовал недавно журнал "Знамя", а цикл его иронических статей — "Октябрь".

Кстати, о прозе Иртеньева. Я очень люблю и его прозаические тексты. Особенно те, в которых он говорит от первого лица. В антологическом томе это, прежде всего, упоминавшаяся уже не раз ироническая автобиография и блестящее эссе "Как я встречался со знаменитостями". Узнаваем он как замечательный стилист и в своих статьях, которые писал для "Газеты.Ru". И это, опять же, на мой взгляд, не просто проза, но проза поэта Иртеньева. И так же как в стихах, везде слышна только ему присущая интонация. То есть в его прозе та же афористичность, та же ирония, тот же здравый смысл, а в конечном счете, та же гармония и близость к совершенству, что и в большинстве его стихов. Так что, думаю, совсем не зря он получил за цикл публицистических статей "Золотое перо" лучшего журналиста года.

И вот еще о чем хочется сказать. Я дописываю эти заметки в конце весны 2002 года. Через несколько дней — 25 мая — Игорю Иртеньеву исполняется 55 лет. У него вышло больше десятка книг, том в Антологии сатиры и Юмора XX века — то есть, сделано уже немало. Тем более приятно знать, что Игорь в прекрасной форме, что после выхода в свет антологического тома он написал уже множество новых стихотворений — и звучавших до недавнего времени в передаче "ИтоГо", и размещенных на сайте "Газеты.Ru", и появляющихся в новом печатном издании, которое носит название "Газета" (под той же маской поэта-правдоруба). Наверняка пишется и новая проза, возможны и какие-то оригинальные литературные проекты. Словом, Иртеньев в свои пятьдесят пять — в полном расцвете сил, с чем я его от всей души и поздравляю...

И в завершение небольшое рассуждение. Так сказать, на общую тему.

Конечно же, главный закон жизни — многообразие. Это касается и искусства тоже. Одним нравится одно, другим — другое. В данном случае я

имею в виду читателей. С поэтами — то же самое. Один пишет так, а другой — иначе. И, что удивительно, практически у всех эти самые читатели находятся. Правда, у кого больше, у кого меньше. Но главное — находятся.

Нельзя считать, что эстетическое удовольствие (или, говоря по-современному, кайф), получаемое верным читателем или слушателем стихов Д.А. Пригова, чем-то качественно отличается от чувств, испытываемых теми, кто предпочитает, скажем, Ф.И. Тютчева.

(Кстати, я тут как-то по шестому каналу смотрел сюжет о выступлении Дмитрия Александровича в Англии. Причем в зале, судя по всему, сидели и англичане. Гость из загадочной России развлекал их вовсю, он и пел и, кажется, даже кукарекал — в общем, шаманил на всю катушку. И всем присутствующим это жутко нравилось. А особенно гостю... Только я не совсем понял, зачем это показало телевидение, да еще в новостях. То ли гордясь своим экзотическим земляком-поэтом, то ли чуть иронизируя над ним...)

Что я, собственно, хочу сказать? Да все то же. Что вкусы разные, и о них, конечно, не спорят. И что определенному (а по нынешним, лишенным этического стержня временам, увы, довольно широкому) кругу читателей могут нравиться даже тексты такого находящегося, по-моему, вообще вне границ культуры автора, как Владимир Сорокин. И они, по их же определению, так от него, простите, тащатся, как никакому Чехову не снилось.

Хотя, честно говоря, я думаю, что в восприятии искусства есть все-таки свои нюансы. Ну, скажем, одни воспринимают умом, другие — сердцем. А третьи — вообще чем-то таким, о чем в приличном обществе и упоминать не принято. И вот еще что. Сдается мне, что так же, как существуют, скажем, литературные графоманы, есть и графоманы чувств. То есть люди, не способные на глубокое восприятие искусства. Ну максимум такое восприятие имитирующие. Это, конечно, обидно, но формула многообразия вообще чревата. Поскольку предполагает, в частности, еще и иерархию.

Есть большие поэты, а есть поменьше, но тоже весьма достойные. А, кроме того, есть истинные поэты, а есть ловкие имитаторы. К этому можно добавить, что понятие искусства в наши дни вообще очень размыто. Поразительная вещь: дошло до того, что эту самую иерархию в русской поэзии во многом сегодня определяют западные специалисты по русской литературе — так называемые слависты. Но это уже другая тема. Почти другая...

А возвращаясь к нашей, еще раз скажу, что для меня главный признак настоящей поэзии — это когда стихи вызывают облагораживающий подъем души. И если попытаться сформулировать все-таки суть поэзии Иртеньева, то, мне кажется, она состоит в следующем: природный юмор наиболее ес-

"Трудно — быть!"

тественно выражается им в классических стихотворных размерах (более того, зачастую и проявляется именно в них), становясь в результате полноценной поэтической субстанцией.

А если говорить об иерархии, то Боже меня упаси отводить Иртеньеву в литературе то место, от которого он сам бы с гневом и возмущением отказался. Но, думаю, сегодня у него в ней весьма достойная позиция.

Что касается лично меня, то, как вы поняли, я ценю Иртеньева — человека и поэта — весьма высоко. Но (и это тоже, надеюсь, мне не удалось скрыть) свою точку зрения никому не навязываю.

В уже упоминавшемся отклике на уход Нины Искренко Иртеньев писал: "Выстраивание любых иерархий в искусстве — дело заведомо уязвимое, слишком силен и очевиден бывает эмоциональный момент...".

Для меня тоже в случае с Игорем очень силен эмоциональный момент. Я давно его знаю, счастлив быть его другом, поэтому оставаться полностью объективным все-таки не могу. Да, честно говоря, и не хочу. Во-первых, помня слова Пушкина (см. стр. 237), а во-вторых, согласитесь, причем здесь объективность, когда высказываешь исключительно свое мнение...

Таков сквозной мотив нового поэтического сборника Ильи Рейдермана, "Бытие", выпущенного издательством "Инга" в конце прошлого года. Это не дилемма Гамлета "быть или не быть". Здесь альтернативы бытию нет. Быть и участвовать в бытии — труд. Ибо все тяжелей быть духовно живым человеку в сегодняшнем мире. Поэтому в стихотворении "Долина", описывающем видение пророка Иезекииля, поэт, говоря о воскрешении мертвых, обращается, вероятно, и к нам: "Как снова стать живым? Как смерть избить?".

Предыдущая книга поэта называлась "Пространство". В этой господствует время. Уходящее время, убывающее время. "Жаль минуты. Уходит куда-то минута. / Жаль беспечно порхающего мотылька". Но в итоге: "Ах, как вечность прекрасна, как вечность горька". И в предыдущем сборнике, говоря о музыке Шопена, он писал: "Мост между вчера и завтра — / вечность. Звук ее мгновенный". Миг и вечность сопрягаются напрямую, они равны, как в "колдовском" (по словам Эйнштейна) "исчислении" квантовой физики. Впрочем, в напряженном "поле" поэтической мысли — физика встречается с метафизикой, с онтологией, с философией бытия.

Рейдерман представляет не часто встречающийся тип поэта-философа. Впрочем, у него за спиной почтенная традиция, идущая от Баратынского и Тютчева к Заболоцкому... Быть поэтом такого склада нелегко, ибо нужно мыслить, и притом не холодно и абстрактно мудрствуя и чеканя формулы, но мыслить всем существом своим, всей жизнью и судьбой. По моему мнению, Рейдерману это удастся. Он поэт утонченно культурный (что советской властью совершенно не приветствовалось), он наследник традиции, и чувствует в ней себя совершенно свободно, потому что не повторяет сказанного другими, а, говоря свое, эту традицию продолжает. В его поэзии не было и намека на привлекающую внимание "авангардность" — и получилось, что жил он и писал почти совершенно незаметно, не числясь в "списках", в которых обычно менее известные идут за более известными... Между тем, он всегда обращался к "городу и миру". Ему, рожденному под знаком стрельца, "земля всегда мала": звезды советуют ему жить на просторах Вселенной, а не только на квадратных метрах жилплощади. Тоненькая книжечка, выпущенная им к своему 65-летию, свидетельствует, что поэт эволюционирует, он обрел новые интонации, то почти шуточные, то прямо-таки "пророческие" в цикле "Библейские вариации".